

Сб. материалов по традиционной культуре Тарногского района. Вологда, 2004; Древо жизни. Вып. 3: Сб. материалов по традиционной культуре Кичменгско-Городецкого района. Вологда, 2005; Древо жизни. Вып. 4: Сб. материалов по традиционной культуре Сямженского р-на. Вологда, 2005; Древо жизни. Вып. 5: Сб. материалов по традиционной культуре Вожегодского района. Вологда, 2006.

³ См., например: *Иванова Т.Г.* Новые вологодские издания // ЖС. 2006. № 2. С. 49—50.

⁴ *Разова И.О.* Похоронный обряд Белозерского района Вологодской области // Белозерье: Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. С. 168—189.

⁵ *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верхоявья Кокшеньги. М., 1980.

⁶ Ср. *Алексеевский М.Д.* Похоронно-поминальные причитания Русского Севера в современных записях // Актуальные проблемы полевой фольклористики: Сб. науч. тр. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 113—139.

М.Д. АЛЕКСЕЕВСКИЙ,
канд. филол. наук;
Гос. республиканский центр
русского фольклора (Москва)

Новое исследование по агиографии Великого Устюга и Сольвычегодска

А.Н. Власов. Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI—XVIII веков: Тексты и исследования. — СПб.: Пушкинский Дом, 2011. — 784 с.

Книга А.Н. Власова пополнила ряд вышедших в последние годы научных изданий, посвященных рукописной книжности конкретного региона или литературного центра. В числе этих изданий в первую очередь должны быть названы исследования В.И. Охотниковой (агиография Пскова), Н.В. Савельевой (Пинега и Мезень), Л.С. Соболевой (Урал), Е.М. Юхименко (старообрядческое Поморье, Выг). А.Н. Власов представил еще один значимый в истории русской рукописной литературы регион — Вычегодско-Северодвинский край, культурными и духовными центрами которого являлись города Великий Устюг и Сольвычегодск и Николо-Коряжемский монастырь. Главная цель издания заключается в том, чтобы дать исчерпывающее представление о литературном творчестве местных книжников, опубликовать и прокомментировать по возможности весь круг агиографических сказаний сольвычегодско-устюжской «культурно-исторической зоны». Издание включает 16 текстов XVII—XVIII вв., относящихся к жанрам житий святых,

повестей о чудотворных иконах и о создании монастырей. В разделе «Дополнения» публикуются также богослужебные тексты и грамоты, в разделе «Исследование» анализируются рассказы Устюжской летописи и Устюжского летописца об основании первых устюжских монастырей и о чудотворных иконах в городских храмах. Кроме древнерусских текстов, подготовленных по рукописям, публикуются их переводы на современный язык, что делает издание доступным широкому кругу читателей. Жития Прокопия и Иоанна Устюжских — наиболее известные произведения устюжской агиографии — не вошли в рецензируемое издание, поскольку им А.Н. Власов посвятил отдельное исследование, опубликованное в 2010 г.¹ Пожалуй, эти две книги следовало бы издать как двухтомник с одним общим названием.

В издании, кроме А.Н. Власова, приняли участие В.В. Копытков, В.И. Щипин (предисловие к Сказанию о чудесах святого Петра Черевковского) и Р.П. Биланчук (публикация одного из вариантов Чудес святого Петра Черевковского).

Рецензируемое издание вводит в научный оборот большое число прежде не опубликованных, малоизвестных произведений, сведения о которых исследователи черпали ранее главным образом из статей «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Среди опубликованных А.Н. Власовым «сказаний» — Сказание о начале Николо-Коряжемского монастыря и игумене Лонгине, Сказание о Христофоровой пустыни, Красноборские чудеса от иконы Нерукотворного образа Спаса, Сказание о чудесах от иконы Богородицы Одигитрии на Туровецком погосте, жития Иоанна Самсоновича Сольвычегодского, Симона Воломского, Андрея Тотемского и другие. Перед читателем предстает духовная жизнь большого севернорусского региона на протяжении нескольких столетий, явленная в жизнеописаниях местных подвижников и истории его святынь. Издание является результатом многолетнего, тщательного источниковедческого изучения этих памятников с учетом большого списка списков и редакций.

Большое внимание автор уделяет литературной деятельности Александра (1604—1679), епископа Вятского и Великопермского, уроженца Сольвычегодска, известного своими симпатиями к старообрядцам. В 1643—1650 гг. Александр Вятский являлся игуменом Николо-Коряжемского монастыря, сюда же он ушел на покой в 1674 г. и пробыл здесь до самой смерти. Ранее, до работ А.Н. Власова, епископу Александру атрибутировалась церковная служба основателю этого монастыря Лонгину Коряжемскому. Согласно убедительной гипотезе А.Н. Власова, перу Александра Вятского принадлежат также Сказание о Коряжемском монастыре и Сказание о Христофоровой пустыни. Проблемы атрибуции текстов обсуждаются и в других разделах книги.

Книга А.Н. Власова представляет большой вклад в изучение истории русской церкви, но она будет чрезвычайно интересна также фольклористам и исследователям «народного православия». Многие из опубликованных здесь текстов донесли «живые верования» жителей севернорусских селений XVII—XVIII вв. Как отмечает автор, «эти памятники были рассчитаны прежде всего на низового читателя, поэтому по своей направленности были близки к фольклорным произведениям легендарно-прозаического характера» (с. 642). В Сказании о чудесах от иконы Богородицы Одигитрии на Туровецком погосте повествуется о водяных демонах, которые «здернули» женщину в воду, а потом требовали от нее отдать им своего сына (с. 226). В другом сочинении приводится рассказ о зарождении во чреве «некоей жены» змей (с. 150). Устойчивым мотивом сольвычегодско-устюжских сказаний является запрет на матерную брань и табак (с. 146, 154, 176 и др.). За нарушение этого запрета небесные силы грозятся послать каменную тучу, огненную молнию, «мраз и лютый снег», «глад по всей земли» (с. 328 и др.). Эти мотивы связаны в первую очередь с почитанием богородичных икон, поскольку матерная брань воспринималась в народном сознании как оскорбление матери сырой земли, родной матери и Матери Пресвятой Богородицы (ср. в древнерусском Поучении о «злой лаи матерной»: «И аще бо кто неподобными матерны скверными и погаными словеса лается <...> то в той час небо и земля потрясется и Пречистая Мати Господня Пресвятая Богородица у престола Сына Своего и Бога велми вострепещет...»)². В опубликованных сочинениях зафиксированы также топонимические предания (происхождение названия реки Недума от слов Богородицы «не думать»), предания о чуде и о богатырях (силачах). В некоторых произведениях А.Н. Власов обнаруживает реализацию сказочного архетипа (с. 371, 507).

Любой исследователь, занимающийся изучением той или иной локальной книжной традиции, неизбежно задумывается над вопросом о ее своеобразии, о самих принципах (помимо географического) объединения текстов в некий единый региональный свод. Избегая прямой постановки этой проблемы, А.Н. Власов тем не менее пытается определить связи между памятниками и обнаруживает их в сходстве сюжетного построения, в сквозных темах (исцеление от бесноватости и т.д.), в фиксации бытовых деталей, в особом «этнографизме» и в родстве с летописной формой повествования. По мнению А.Н. Власова, публикуемый свод свидетельствует о некоем «местном краевом самосознании» (с. 628, 662). При этом автор хорошо осознает, что некоторые литературные особенности местных памятников в целом характерны для нового художественного сознания

писателей-книжников XVII—XVIII вв. Рецензируемое исследование дает, таким образом, пищу для размышлений о соотношении «местного» и «общего» в региональных литературных традициях русской письменности в ее поздний период.

К сожалению, автору и редактору не удалось избежать некоторых «технических» погрешностей. Так, аббревиатура «ПСРЛ» раскрыта в списке сокращений как «*Полное собрание русских летописей*» (с. 779); между тем на с. 139 с помощью этого сокращения обозначено другое издание — «*Памятники старинной русской литературы*». Дата 7048 от сотворения мира переведена на современное летоисчисление как 1640 г., а не 1540 г. (с. 28, 29). Слово *начальник* (т.е. основатель монастыря, давший ему «начало») в древнерусском тексте отнесено к Лонгину Коряжемскому, в переводе (только в одном случае) — к игумену Феодосию (с. 34, 35). Читателю было бы легче ориентироваться в книге, если бы она содержала указатели имен, географических названий и шифров использованных рукописей. Разумеется, фундаментальность и большая научная значимость рецензируемого труда в полной мере искупают эти недостатки, почти неизбежные в любом научном издании такого объема. Нет сомнений, что книга А.Н. Власова будет с благодарностью принята исследователями севернорусской письменности, фольклора и истории православия.

Примечания

¹ Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.

² Поучение Иоанна Златоуста о злой лан матерной (Национальный музей Республики Карелия. КП-4184, нач. XIX в., л. 70об.).

А.В. ПИГИН, доктор филол. наук;
Петрозаводский гос. ун-т

«Народная история» старой Тюмени

Очерки старой Тюмени: воспоминания старожилов (Н. Захваткин, А. Иванов, Н. Калугин, С. Карнацевич, А. Улыбин) / Сост., биограф. справки, библиограф. указ. Л.В. Боярский; Предисл. Ф.С. Корандей. — Тюмень: П.П.Ш., 2011. — 144 с.: 4 с. ил. — (Живая история).

Рецензируемое издание содержит мемуарные записки тюменских старожилов (1891—1903 гг.р.), собранные в 1950—1970-е гг. сотрудниками Тюменского областного краеведческого музея. Часть воспоминаний уже публиковалась в сибирских краеведческих изданиях, часть публикуется впервые.

Воспоминания различаются по своей функционально-стилистической направленности (тяготея то к автобиографическому, семейно-биографическому, историографическому описанию, то к публицистическому очерку) и по степени рефлексии. Их авторы не являются профессиональными литераторами (Н.С. Захваткин — работник торговли и спортсмен, А.А. Иванов — переплетчик, Н.В. Калугин — спортсмен, С.И. Карнацевич — врач, А.С. Улыбин — рабкор); в предисловии публикатор определяет их как «наивных историографов» (с. 5—7). В этой связи довольно уместно использование в качестве иллюстраций картин самодельного тюменского художника А.Г. Галкина, копировавшего дореволюционные открытки с видами Тюмени (автобиография последнего приведена в Приложении).

Действие публикуемых текстов разворачивается на фоне дореволюционной Тюмени; иногда повествование захватывает несколько первых лет советской власти. Мир старой Тюмени в воспоминаниях — это мир грязных улиц с деревянными домами; мир лавок, бирж, мастерских и типографий, где авторы воспоминаний подрабатывали, будучи мальчишками; мир базаров, ярмарок и роскошных магазинов (иногда приводятся цены на товары — зерно, сено, а также заграничные вина, шоколад, рыбу и т.д.); мир ночлежек и домов терпимости — 11-летний уличный мальчик, по словам одного из авторов, «знал весь город все переулочки и закоулочки все кабаки и бардаки и даже шантаны <...> Его пылливый и наблюдательный ум и обстоятельность жизни связывали его с этим миром» (с. 40); мир улицы с дружественными и враждебными подростковыми компаниями; мир кинотеатров с немым кино, театров и цирков, куда иные мальчишки легко пробирались без билета. Старожилы более или менее подробно описывают пространство старой Тюмени, перечисляя дореволюционные названия улиц и вспоминая, где находились те или иные объекты, ныне не существующие — жилые дома, церкви, торговые лавки, сараи и т.д.; упоминают поименно известных местных купцов и предпринимателей; дают наброски городских типов — извозчиков, пожарных, газетчиков, караульщиков... И детально рассказывают о повседневном быте социальной среды, к которой относились их семьи — чаще разнорабочих и кустарей; особый интерес представляет описание С.И. Карнацевичем быта «колонии» поляков, сосланных в Сибирь после польского восстания 1863 г. И фоном этой «микростории» являются события «макростории» России — Первая мировая война и революция.

Наряду с очевидной ценностью публикуемых мемуаров как историко-бытописательских текстов и автобиографических документов они содержат немало информации, интересной для фольклористов, этнологов и культурных антропологов.

Важное место в воспоминаниях занимают календарные праздники и связанные с ними обычаи и развлечения — в особенности Масленица (катание на украшенных лошадях с бубенцами описывается почти всеми и наиболее детально — вероятно, как одно из самых сильных детских впечатлений); ряжение и христославление на Рождество; пасхальные визиты и «похмельные столы» на Пасху; гулянье в саду в день коронации Николая II; украшение березками улиц около домов на Троицу; локальный праздник «Ключ»¹, проводившийся на 9-ю пятницу после Пасхи (на месте, где был открыт целебный ключ, устраивали карусели и балаганы, продавали игрушки, напитки, выпечку и тушеные фрукты и овощи — «празженики»), и т.д. Иногда приводятся подробные описания праздничного и постного столов. Рассказывается и о формах проведения досуга, не обязательно связанных с календарными праздниками, — как о детских дворовых играх (городки, лапта, борьба на поясах, бабки, «беглы» и т.д.), так и о развлечениях взрослых (охота, азартные игры).

Так же подробно — и тоже практически всеми авторами — описывается традиция уличных драк, имевших в своей основе конфликты социальные (учащиеся реального и коммерческого училищ против мальчишек-газетчиков) и территориальные — кулачные бои «стена на стену» между районами города (Тычковка, Сарай, Зарека, «Город», Затюменка, Заречье); в последних принимали участие не только подростки, но и взрослые мужчины; описываются правила драк либо упоминается об их отсутствии.

В одном из мемуаров приводятся любопытные сведения о моде рабочей молодежи рубежа XIX — XX вв.: лаковые сапоги, «брюки узкие за голенище касторовые», шелковая рубашка и «серебряный кавказ[с]кий пояс», «фуражка со светлым козырьком и плисовым околышем и чуб»; автор воспоминаний сопоставляет этих модников с современными ему стилистами, попутно цитируя небезынтересную заметку о последних в тюменской газете (с. 51).

Содержатся в книге и сведения собственно фольклорного (и парафольклорного) плана. Например, упоминаются прозвища — как групповые (жителей криминального района, носившего неофициальное название Саран, называли *парижанами*), так и личные (например, *Марасан*, *Кули*, *Стрекулист*, *Чугунный*, *Сало*; как подчеркивает один из мемуаристов, многие представители рабочей молодежи могли не знать фамилий друг друга, используя клички); приметы («граждане торговые люди» считали, что если на открытии ежегодной летней ярмарки, сопровождавшемся молебном и поднятием российского флага, последний «дружно развернулся и не поник, значит, будет хорошая торговля. Такая была при-